

Книга о Фете

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

OCR Бычков М. Н.

Так уж повелось: много лет должно пройти со дня смерти поэта, много должно быть высказано о нем "общих" суждений, верных и неверных, поверхностных и глубоких, прежде чем его жизнь и творчество сделаются предметом серьезного исследования. Между тем -- нужно ли говорить, что только оно может со временем образовать прочный фундамент для общих выводов, которые бы не грешили произвольностью?

Правда, Пушкин дождался уже того, что жизнь и творения его ныне изучаются с должной строгостью, а Грот, кажется, сделал для изучения Державина все, что посильно одному человеку. Однако и о Пушкине, и о Державине науке предстоит еще выяснить немало частных вопросов, от того или иного решения которых зависит решение вопросов гораздо более общих и сложных.

Что же касается других поэтов, даже очень значительных, -- то здесь еще предстоит если не начинать с самого начала, то, во всяком случае, сделать много. Тем приятнее встретить книгу, *научно* исследующую вопросы о жизни и поэзии какого-либо автора. Такова книга В. С. Федины о Фете {В. С. Федина. "А. А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике". Птр. 1915. Стр. 146. Ц. 1 р.}. Правда, автор ее предупреждает, что вследствие неполноты и некоторых погрешностей (в составленной им библиографии литературы о Фете и фетовской прозы) его труд "не может быть сочтен ни исследованием, ни исчерпывающей характеристикой. Он содержит в себе только *материалы к характеристике* Фета -- не более".

В пяти главах своей книги г. Федина подходит к пяти проблемам, совершенно изолированным друг от друга. Из них первая -- о происхождении и смерти Фета. Рассмотрев с большой обстоятельностью все противоречивые данные, на основании которых доньше предлагалось решить вопрос о происхождении Фета то от А. Н. Шеншина, то от немецкого асессора Фета, г. Федина отказывается высказаться определенно за какое-либо из этих предположений и оставляет вопрос открытым. Зато он не боится откровенно признать, что кончина поэта была самоубийством.

Не опровергая того, как обстоятельства этой кончины, со слов секретарши Фета, изложены Б. Садовским в апрельской книжке "Исторического вестника" за 1915 г., -- г. Федина вносит существенные и убедительные поправки в то освещение, какое придал Б. Садовской сообщенным им фактам.

В сообщении г. Садовского рассказывается о том, что 21 ноября 1892 г. Фет, услав жену за покупками, продиктовал своей секретарше, г-же Кудрявцевой, буквально следующее: "Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному". Под этими строками Фет собственноручно поставил дату и подписался, а затем пытался зарезаться стальным разрезальным ножиком в виде стилета. Г-жа Кудрявцева отняла у него нож. Тогда Фет побежал по комнатам. В столовой, в шифоньерке, хранились ножи. Поэт пытался открыть дверцу шифоньерки, но вдруг, "часто задышав, упал на стул со словом "черт!". Тут глаза его широко раскрылись, будто увидав что-то страшное; правая рука двинулась приподняться, как бы для крестного знамения, и тотчас же опустилась. Он умер в полном сознании".

Изложив все это, г. Садовской находит, что "наш поэт не был самоубийцей, хотя, как видно из предсмертной записки, имел твердое намерение покончить с собой из-за невыносимых страданий. В этом намерении ему помешала сама смерть". Г. Федина справедливо полагает, что Б. Садовской прав только с внешней стороны: "Фет покушался на самоубийство, хотя и с негодными средствами. Но, конечно, внутренняя сторона событий важнее. Фет был стар и тяжело болен. Он знал, что в его состоянии каждое лишнее волнение и усилие способны привести к развязке... С этой точки зрения такие сами по себе безопасные и даже вызывающие недоумение вещи, как разрезальные и столовые ножи, переход из комнаты в комнату и борьба с Е. В. Кудрявцевой, могли быть вполне подходящими для задуманного